

Часть 3: Необузданный вероломный племянник бросает вызов мягкому несчастному дяде.

...Лью ЛиДжон вошел в большой кабинет, там все были в сборе. Его дядя, как гора Линукс, восседал за письменным столом в окружении родственников и подчиненных. На его сильном лице ходили желваки, глаза горели темным огнем. Тридцать лет таившийся в этом могучем теле тигр готов был вырваться наружу.

- Зачем ты это сделал? Ты хочешь быть врагом императорской семьи? Ты настолько глуп? Чего ты добиваешься?!

- Чего я добиваюсь?

Лью ЛиДжон с недоброй улыбкой посмотрел на дядю.

"Бай Чи, сейчас я скажу вслух, чего я добиваюсь, и ты расшибешь свою мудацкую башку об этот антикварный книжный шкаф. Какой же ты дурак, спрашивать при всех," - подумал он. "Одно только слово от меня. Забавно."

* Бай Чи - идиот

- Куда ты отправил золото?! Может быть, не поздно остановить транспорт?.. Смотри на меня!

Дядя встал из-за стола и шел к нему.

- На хуй золото!

Лью ЛиДжон с вызовом вперил взгляд в дядино лицо. В последний раз он видел его темные серьезные глаза, знакомую складку между бровей, губы, тень от них на подбородке.

Лью ЛиДжон отвернулся. Лью ШуШон протянул руку, чтобы повернуть лицо юноши к себе,.. но рука остановилась в воздухе и опустилась.

Лью ШуШон беспомощно смотрел на племянника. Его молодое прекрасное лицо, как обычно, было исполнено презрения. Прозрачные глаза были сощурены, цвет радужной оболочки еле угадывался, как лунный свет сквозь щели в ставнях. Он молчал... Он всегда молчал. Все было бесполезно.

Племянник устало усмехнулся.

"Говори, куда ты девал деньги! Мой папа посадит тебя в тюрьму!" - кричала королева Хью Джей.

Перед лицом главы семьи, каждый торопился выказать свое негодование и отвращение. Среди враждебного крика, дядя стоял, как деревянный, не зная, что делать. Никогда он не знает... Все было бесполезно.

Он двинул кулаком ближайшего негодующего домочадца, толкнул на пути кого-то еще и бросился бежать из родного дома в ночную темноту и дождь.

"Лови предателя!" - кричала Хью Джей.

"Хью Джей, Хью Джей. Я тебя сейчас удавлю," - подумал Лью ШуШон.

Лью ЭммиЛи рыдала в голос.

Золото... хуй с ним. Сумма была огромной, племянник вычистил большую часть наличности с их активов. Это Лью ШуШона мало волновало: в конце концов, если кредиторы согласятся немного подождать, у него будет возможность продать товар на складах и восполнить потери. Пускай не за один - за два, три оборота. Это все ерунда.

Государственная измена - вот это не ерунда.

Почему ты не мог просто ограбить меня и забрать деньги себе? Я не понимаю. Ты мог бы наслаждаться роскошью в какой-нибудь красивой стране, построил бы себе дворец, я не знаю, чего тебе еще надо...

Теперь королева Хью Джей будет орать "Лови предателя" и ты будешь в розыске в сорока трех префектурах. Если тебя найдут, тебя отрубят ноги и руки.

Как я мог это допустить?! Почему ты ничего мне не сказал? Почему ты никогда ничего мне не говоришь? То же золото для горных внуков, - с какого рожна они тебе сдались? - его можно было отправлять незаметно, отдельными траншами... Что ты наделал, Сяо Джо? Что ты наделал?

Это все была его вина... Что еще можно ожидать от ребенка, выросшего бок о бок с таким чудовищем, как я...

Лью ЛиДжон бежал недолго - по меркам человека, который каждый день пробегал двадцать ли с горы и обратно. Дождь, невидимый в темноте, хлестал его, как недополученные от дяди розги. Он не чувствовал холода. Ему не хотелось никуда бежать. Ему хотелось вспомнить...

Он залез на какой-то утес, где росло корявое уродливое дерево, и забился под нависавший в наклонном положении ствол. Он сидел и думал про руку, которая так и не коснулась его лица. Потянулась к его подбородку - и остановилась на полпути.

Всю жизнь - как будто прокаженный. Он боится дотронуться до меня. Он боится взять меня за руку, ударить, потрепать по голове, дать подзатыльник, дернуть за нос, толкнуть плечом... Почему ты ни разу не прикоснулся ко мне? Что с тобой не так, Бай Чи? Что со мной не так?

Он представлял, как эта сильная ладонь все-таки опускается ему на челюсть, сдавливает ее, потом, не в силах удержать гнев, сжимает горло,.. потом скользит дальше под рубашку,.. мнет плечо, спускается по груди, нажимая так, словно хочет достать оттуда сердце, придавливает живот, задерживается там, греет его,.. потом пальцы касаются гениталий, внутренней поверхности бедер...

Неудивительно, что осенней ночью на утесе под дождем Лью ЛиДжон не чувствовал холода.

Его поймали утром.

Лью ШуШон не просто не мог найти в себе сил проявить строгость к племяннику - он не мог в глаза ему смотреть от стыда.

Пять лет назад, в прошлой жизни, все было по-другому. С Лью ЛиДжоном всегда было непросто, но те трудности, по ту сторону черты, дядя встречал с неизменным терпением и верой в то, что Сяо Джо - хороший мальчик, и рано или поздно все образуется. Если кто и был виноват, так это он сам, за то, что баловал детей.

Но эта вина не шла ни в какое сравнение с тем, что случилось пять лет назад.

Вечер был таким обыкновенным и не сулил ничего ужасного. Как всегда, приветливо светили желтые лампы в комнатах и толкались вокруг них мотыльки, - а время было уже не для ламп. Полоска света пробивалась над дверью из комнаты племянницы.

"ЛиЛи, цветочек, - крикнул дядя, стуча по перегородке костяшками пальцев. - Пора спать, золотце. Я все вижу!" Свет тут же потух и в комнате затаились. "Ага, как же, - подумал дядя. - Через пятнадцать минут я сюда снова приду."

Вторая полоска света пробивалась над дверью комнаты Лью ЛиДжона. "Кто еще не спит?!" - грозно спросил дядя и вытащил книжку из рук мальчика.

Лью ЛиДжон лежал на спине поверх одеяла в одной белой нижней рубашке. Вместо ответа он закусил губу и молча врезал по дяде ногой, потом еще раз. Оказалось, на мальчишке не было нижнего белья, так что пинающие ноги открыли невероятные виды.

Лью ШуШон застыл, как соляной столп, - и получил еще несколько пинков в живот. Это не имело никакого значения, он все равно в тот момент потерял способность двигаться, соображать и чувствовать что-нибудь кроме дикого биения крови у себя внутри.

Перед глазами Лью ШуШона блеснула внутренняя часть юношеского бедра и нежная кожа у нижней кромки ягодиц. Не говоря о члене и яйцах. Кожа у начала ягодиц была по виду - белый переливчатый мягкий шелк. Когда нога опускалась, плоть в этом месте закладывалась в трогательную, беспомощную складочку. Дяде стыдно вспоминать, что за одну секунду у него прилила кровь к чреслам.

В тот вечер, при свете желтой лампы, под покровом подола от рубашки, Лью ШуШон словно смотрел на Лью ЛиДжона впервые. Шестнадцать лет - это точно не шесть.

Как только он пришел в себя (уже за дверью), он испугался и наполнился отвращением к себе. Он был уверен, что мальчик заметил его взгляд и понял, почему он так быстро и молча ретировался.

И потом, каждый раз, собираясь протянуть к Лью ЛиДжону руку, он вспоминал эту трогательную шелковую складочку у него под белой рубашкой и понимал, что племянник тоже все понимает. Понимает и ненавидит извращенного дядю. И правильно ненавидит. Ненавидел бы еще больше, если бы знал, какие дяде сняться сны.

Можно не трогать руками, можно не смотреть на него, можно задуть лампу, - но сны не задуешь. Сны, в которых Лью ЛиДжон приходит к нему обнаженный или в одной нижней рубашке, успокаивает его и разговаривает с ним, и дает себя гладить, где захочешь. Сны, после которых Лью ШуШон просыпался в холодном поту с горячей, как горная лава, кровью. Которые, ему казалось, племянник может увидеть в его глазах.

С тех пор он стал еще мягче и нежнее к Лью ЛиДжону, помня о своей вине, а племянник, словно читал его мысли, - становился все наглее и агрессивнее. Хотя в делах на него всегда можно было положиться...

Лью ШуШон несколько раз пытался отправить племянника на учебу или в путешествие, лишь бы подальше от него, но Лью ЛиДжон упрямо торчал дома, половину времени проводя в дядиной комнате с отчетами и договорами.

Наконец, Лью ШуШон понял, что Лью ЛиДжон боится оставить сестру с таким извращенцем.

(Грин ТиБэг:) - Хозяин Лью, его поймали.

Лью ШуШон молчал, вцепившись себе в волосы. Верный слуга понимал его гнев и горе.
"Хозяин Лью, - хотелось ему сказать. - Прикажите мне и я пойду собственными руками задушу до смерти эту вероломную змею, которую вы пригрели на вашей честной мускулистой груди."

(Лью ШуШон:) - Где он?

(Грин ТиБэг:) - Его заперли в кладовой на первом этаже.

Когда Лью ШуШон пришел к кладовой, он понял, что не взял у слуги ключей. Голова ничего не соображала. Ему не хотелось сейчас никого видеть - ни идиота слугу, ни корову Хью Джей, никого... Вместо того, чтобы сходить за ключами, он обошел дом вокруг и стоял под дождем у зарешеченного окна, смотрел на Лью ЛиДжона, пока тот не заметил его.

Как он сидит на полу, прислонившись спиной к мешкам с рисом, глядя в никуда. Растрепанные волосы небрежно завязаны в хвост на затылке. Прекрасные глаза, как всегда, презрительно сощурены.

Наконец, племянник повернул к нему голову и одним прыжком вскочил на ноги. Он был мокрый с ног до головы: и волосы, и тело, и одежда. В углу рта красовался кровоподтек. У Лью ШуШона защемило сердце.

(Лью ЛиДжон:) - Что ты будешь со мной делать? Отправишь в тюрьму? Убьешь?

Он стоял в паре шагов, через решетку, глаза лихорадочно блестели.

(Лью ШуШон:) - Не говори глупостей. Мы все уладим как-нибудь... Это будет нелегко, потому что корова Хью уже отправила доклад в префектуру и своему отцу.

(Лью ЛиДжон:) - Она меня ненавидит.

(В жопу корову Хью, при чем тут она?!)

(Лью ШуШон, безжизненным голосом, глядя в сторону:) - Объясни мне только - зачем ты это сделал? Один раз мне что-то объясни.

(Лью ЛиДжон, взгляд устремлен на другого мужчину:) - Почему ты боялся дотронуться до моего лица?

Внезапно в глазах Лью ШуШона отразился ужас. Незначительный сторонний предмет вызвал в нем непропорциональную реакцию. Взгляд стал умоляющим.

(Лью Лиджон:) - Наверно, я вижу тебя в последний хуев раз. Выполни мое желание - ты мне расскажи, почему ты отдернул руку?

(Лью ШуШон, бормочет:) - Что ты говоришь? Какой последний раз, зачем ты все в таком свете...

(Лью Лиджон, глаза распахнуты, в голосе отчаяние:) - Ты просишь меня объяснить... Покажи пример. Раз в жизни честно скажи мне. Почему ты отдернул эту сраную руку? Смотри на меня. Скажи мне.

"Мне не надо было приходиться," - понял Лью ШуШон. Он смотрел на юношу исподлобья, пытался спрятать глаза, но они все равно возвращались к этому молодому, презрительному, требовательному лицу.

Лью ШуШон сжал зубы и выдавил:

- У тебя там кожа...

=====
=

Господа читатели, если вам нравится повесть, не забудьте поставить лайк, это доброе дело, вам на небесах зачтется. Или напишите комментарий. Ваши похвала и критика заставляют мир вращаться.

Отдельная благодарность сознательным читателям - за лайки на главной странице проекта, именно по ним считается рейтинг работы на сайте.

<http://bllate.org/book/17829/1697096>